

Гастроли Приморского краевого драматического театра имени М. Горького

Валерий Никитин:

«Отдай героям свое сердце»

надо сжигать нервные клетки, сжигать, не считаясь с «законом шагреновой юбки»...

За окном жаркое сибирское солнце. Разговор вроде бы и закончен, но можно его продолжать, ибо Валерий Никитин сыграл за 20 лет множество ролей. Среди них — начальник цеха Чешков («Человек со стороны» И. Дворецкого), «Эзоп» («Эзоп» Э. Фигейредо), Степан Сыроваров («Метель» Л. Леонова), Алексей («Оптимистическая трагедия» В. Вишневского), Виктор («Варшавская мелодия» А. Арбузова), Командор («Дон-Жуан» С. Алешина), Морозка («Разгром» А. Фадеева), Шиндин («Мы, нижеподписавшиеся» А. Гельмана) и т. д.

— Мне повезло в жизни, — говорит артист, — моим театральным учителем был главный режиссер Саратовского ТЮЗа, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда (кажется, единственный среди тюзовцев) Юрий Петрович Киселев. В чем сильные стороны его педагогики? Он учил нас всматриваться в жизнь, копить впечатления, полагая, что для актера существует и прошлый годный снег, которого давно нет для снегоборочной машины. И была у него редкая черта: он умел увидеть наши боли, учил строить наши роли не на песке, не на фигуре, не на внешности, а на своих тревогах, неудачах, промахах... Нет, он не воевал против счастья в творчестве, но считал, что нельзя его строить на сплошном празднике, чего чаще хотят молодые, в чем очень ошибаются. Творческий рост — дело многосложное, ведь своих героев мы должны лепить не только из текстов пьес, но и из своих, личных сердечных мук. И тратить щедро, не жалея, не оставляя на потом...

— А вот я слышал, Валерий Васильевич, что некоторые советуют побережеть себя, иначе опустеют, мол, душевные запасы...

— Нет. Чтобы не опустели душевные запасы, чтобы всегда были заряжены творческие аккумуляторы, артист должен знать секреты, как их заряжать. Я, например, заряжаюсь поэзией. Вот сейчас подготовил программу по стихам Юрия Левитанского. У него прекрасная — исповедальная — поэзия. — И Никитин открывает стихотворный сборник. — Поешьте...

Я слушаю и стараюсь сходу записать поразившие меня строчки.

«...Но ты уже знаешь, как мало успеешь за год или десять, и ты понимаешь, как много ты сможешь за день или два... Но ты уже знаешь, какие потери ведут к обреченности, и ты понимаешь, какая удача в иной из потерь...» Прекрасно! Как говорит мой герой Макара Девушкин: «Вот живешь и не знаешь, что есть книжка, где все про тебя написано...» Вот так и в нашем деле: чем больше про себя расскажешь, тем больше вероятность, что твой зритель и себя узнает, и, зная, лучше поймет моего героя, который не только ходит на моих ногах, но и горюет моим сердцем.

В. ЧЕКМАРЕВ.
НА СНИМКЕ: заслуженный артист РСФСР Валерий Никитин в роли Макара Девушкина.

Фото С. Санюцкого.

Наш разговор уже закончился, но, подойдя к окну, я увидел на Иртышской набережной одного из любителей трюсов — бега ради здоровья. Тут припомнилось (а мне об этом говорили), что мой новый знакомый тоже увлекается пробежками.

— Да, да, — подтвердил Валерий Васильевич, — я ведь актер драмы и должен быть физически подготовлен не хуже циркового эквилибриста. А то ведь чаще спрашивают: не мечтал ли я сыграть шекспировского Гамлета, но никогда не интересуются, хватит ли у меня сил на эту роль?

— Валерий Васильевич, раз зашел разговор, ответьте: вы мечтали о роли Гамлета?

— Что это за актер, если о ней не мечтает?! Но я не только мечтал, я репетировал Гамлета в Саратовском ТЮЗе. Но в это время — в 1964 году — вышел на экраны фильм «Гамлет» со Смоктуновским, и я отказался от репетиций.

Мы вспоминаем, что Гамлета играли и в «цивильном» костюме, играли и в очках, и даже с гитарой...

— А знаете, мне недавно рассказывали ветераны, — говорю я своему собеседнику, — что в 1941 году, на подступах к Москве на летучем концерте актеров-профессионалов, после их выступления один пехотинец вызвался прочитать знаменитый монолог Гамлета «Быть или не быть?» Так и читал — в шпалке-ушанке, шинели, с автоматом на груди.

— Какой прекрасный факт! — загорелся Валерий Васильевич. — Вот бы сыграть в кино такую роль! Переловая, в отдалении гремят артиллерийские залпы, взвод пехоты через час идет в бой, и Гамлету нашему — а ушанке и с автоматом — тоже идти, может быть, в последний бой, он стоит перед своими товарищами и припеваючи артистами и играет принца с его вечным «Быть или не быть?». Но для солдата нашего тут только один выход быть! Быть Москве, быть Родине, быть матери его заплаканной, только вот ему самому... Нет, каков факт!

И в начале нашей беседы мы тоже говорили о тайнах творческой энергии. Ну, действительно, разве не тайна: почему вдруг деревенский мальчишка из тихого уральского села Ерматеево, выросший среди лесов, среди волшебства полей — с их роскошными травами, полевыми цветами, с жужжанием пчел, с порханием бабочек, с пересвистом птиц, мальчишка, который только в 13 лет (!) впервые увидел трактор и автомашину, мальчишка того послевоенного времени, когда у народа была Победа, а все остальные праздники брезжили где-то далеко-далеко впереди, почему он, не знавший настоящего театра, вдруг решает: буду артистом?! В какой же солнечной поляне ему пригрезилась сцена, залитая прожекторами?!

В свое время местная традиция привела Валерия в Белорецкий проволочно-гвоздильный техникум. А куда еще, скажите, идти мальчишке, если уральская земля богата железными рудами и от ее промышленности требуют металла, в том числе — и проволоки, и гвоздей?! В Белорецке — местечке под Магнитогорском — был металлургический комбинат, у комбината, понятно, стоял Дворец культуры, а какой дворец не имеет драматических кружков, а теперь уже и народных театров?! И, конечно, Валерий с товарищами стал ходить в драматическую студию, стал участвовать в самостоятельных спектаклях, а после окончания техникума удивил руководителей студии Б. Н. Пименова, заявив, что хочет стать артистом.

— Смешно вспомнить то время, — говорит Валерий Васильевич, помешивая ложечкой в чайном стакане, — хотя смешного было мало. Пробовал с товарищем поступить и в Шукинское театральное училище при театре Вахтангова, и в ГИТИС, и в школу-студию МХАТ. И все бесполезно: мы не были готовы к творческому конкурсу. Да еще увидели там рафинированных театральных мальчиков, которые, казалось, все и все знают о театре и все могут. Где уж нам со своим «проволочно-гвоздильным» образованием?! Да еще одна старая актриса из творческого жюри больно нас ударила: «Поезжайте, молодые люди, на завод. Там ваше ме-

сто, а сцену оставьте другим...» Мой товарищ даже расплакался. «Да не реви ты, — сказал я другу, — все равно станем артистами»...

И стал, хотя прошел к сцене нелегким путем, но...

— Чуден человек, ох, чуден, — говорит артист про себя словами своего героя Макара Девушкина в испенировке романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Эту роль играет мой собеседник, заслуженный артист РСФСР, актер гастроллирующего сейчас в Омске Приморского краевого драматического театра имени М. Горького Валерий Никитин. Омичи-театралы уже отметили его своеобразный талант.

Никитин удивительно играет эту роль, создавая образ человека, рожденного в душе молодого Достоевского. Макара Девушкин, один из «бедных людей», который размышляет, почему это одни хорошо живут, а другие — нет. У Достоевского в романе есть монологи, которые, без всякого сомнения, можно читать торжественно, красиво, как иные читают шекспировские монологи. Никитин живет на сцене по другим законам. Защищая свое человеческое достоинство перед духовно бедными людьми, Девушкин даже не говорит, а бормочет, обращаясь к самому себе: «Каша без мяса? Ну и что, велика беда? И кому какое дело, что у меня локти-то подрываются...»

Я здесь не цитирую, потому что здесь важно понять состояние героя романа и пьесы. Да, он беден, но у него есть, еще остался золотой запас души, и он призывает себя к мужеству, остаться самим собой, ибо что же дороже в мире человеческой личности, пусть слабой, пусть согнутой нелегкой судьбой, но личности, личности... Сейчас мне кажется, что Девушкин об этом кричал, хотя Никитин просто бормотал текст, а иногда и шептал. По настояющему он кричит, когда любимая Варенька выходит замуж за нелюбимого: «Я вас не пушу уезжать! По закону праву все это делается!» А в финале спонтанно у Девушкина уже нет сил, нет у него ничего, сначала он кричит, потом шепчет, потом беззвучно говорит: «Кому же я письма-то буду писать? Кому же я письма буду писать? Кому же я письма буду писать? Да, такое в штампах не сыграешь, здесь